

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 865012

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XVIII

Buenos Aires, martes, 7 de junio de 1966

Буэнос Айрес, вторник 7 июня 1966 года

№ 853

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

295. РАЗЪЕЗДЫ ПАРТИЙНЫХ ЗАПРАВЛ И ДОЖДЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ НАГРАД. — А. А. СМЕРНОВ СМЕНЯЕТ Н. С. РЫЖОВА В АНКАРЕ. — НЕЛЕПАЯ ГИБЕЛЬ СТУДЕНТА СЕРГЕЯ ВИЦМАНА. — ЧТО ЖЕ ПРОИСХОДИТ НА САМОМ ДЕЛЕ В ТАШКЕНТЕ? — МНОГО ИНТЕРЕСНОГО ДАЮТ ЛЖИВЫЕ “ТОЛСТЫЕ” ЖУРНАЛЫ. — ПОПРАВКИ К МОИМ СООБЩЕНИЯМ О МОНАСТЫРЕ ПАТРИАРХИИ В ВИЛЬНЮСЕ. — РАССТРЕЛ В РОСТОВЕ.

В середине мая в Москве имел место 15-й съезд комсомола, открывшийся 17-го мая выступлением Л. И. Брежнева, полном обычного набора пустозвонных фраз. Стоит отметить, что он (в который раз!) обещал, что предстоящий пленум ЦК обсудит мероприятия по улучшению сельского хозяйства, поднятию урожайности и росту животноводства. При этом он жаловался на бегство молодежи из деревни в город, причем снова запутался: с одной стороны призывает на целину и дальние стройки, а с другой недоволен, что молодежь покидает село. При большом приросте населения со вступлением в совершеннолетие первых послевоенных поколений непонятно, почему же везде — на селе, на стройках, в промышленности не хватает молодежи. Наш ответ был бы прост: молодежь есть везде, но коммунистический режим не умеет рационально ее использовать для народного хозяйства ни в городе, ни в деревне. Затем состоялся столь же бесцветный доклад первого секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова, который обошел молчанием все жгучие проблемы недовольства молодежи и ее новых критических запросов. Формальный характер имел доклад председателя Центр. Ревиз. Комиссии ВЛКСМ Р. А. Мусиевского. Прения заключались в самовосхвалении и обещаниях лучше работать под руководством партии. Переборы не дали ничего нового. Выборная кампания проходит по старому трафарету: везде в Верховный Совет выдвигают партийных вождей из политбюро и секретариата ЦК и указанных местными Обкомами активистов-карьеристов. Анализ состава депутатов дам после выборов.

Все партийные заправилы разъехались раздавать награды новым “орденоносным” областям. Так, А. П. Кирилленко прилетел в Мурманск награждать эту область и провознес длинную речь с восхвалением ее “достижений” в присутствии не только местных властей и командующего Северным флотом адмирала С. М. Лобова и нового Нач. Политупр. Ленинградского Военного Округа Ф. А. Мажаева, сменившего недавно ген.-лейт. В. В. Золотухина, но и первых секретарей северных областей РСФСР и представителей Балтийских республик. Еще интереснее была поездка свирепого А. Н. Шелепина в отныне орденосную Калининградскую область, где он заявил, что при отступлении немцы опустошили эту область (он умолчал, что это была их Восточная Пруссия), но сказал, что “на этой земле нет ни одной пяди, которая не была бы обильно полита кровью лучших сынов и дочерей всех наций и народностей нашей советской Родины...” “Везде стоят памятники, на которых высечены рядом имена русских, украинцев, белорусов, литовцев...” Поэтому, когда партия призвала “добровольцев” заселить эту область, то приехали и “сейчас живут и трудятся русские, украинцы, белорусы, литовцы... сотни тысяч рабочих, колхозников,

учителей, врачей, ученых... очистили территорию от мин, которыми был напшигован каждый квадратный метр земли...”, ...они превратили область в цветущий край...” “с высокоразвитой промышленностью, интенсивным сельским хозяйством, современной культурой и образованием”. Далее он воспевал успехи разных отраслей промышленности. Поздравляли область первые секретари соседних областей, командующий Прибалтийским Округом ген.-полк. Г. И. Хетагуров и командующий Балтийским флотом адмирал А. Е. Орел. Отмечу, что, по свидетельству очевидцев, легче найти немцев в любой части Азиатской России, чем в этой бывшей их земле!

В Петрозаводске орден Ленина вручал Карельской автономной республике член политбюро и председатель совета министров РСФСР Г. И. Воронов, а М. А. Сусллов вручал его Ульяновской области, причем среди гостей был прибывший из Куйбышева командующий Приволжским Округом ген.-лейт. Н. В. Огарков. К. Т. Мазуров награждал орденком свою Белорусию, Л. И. Брежнев прямо после речи на съезде комсомола вылетел во Владивосток, где при вручении ордена произнес резко антиамериканскую речь требуя изгнания американцев не только из Вьетнама, но и из южной Кореи, дабы эти оба народа смогли объединить свою разрезанную надвое территорию под единой коммунистической властью. Он обещал “наказание” истории южнокорейцам за посылку своих войск на помощь американцам в Южный Вьетнам, где они в жестокости вместе с американцами “превозмогли нацистов”, но их всех ждет еще более печальный конец!

Пока они разъезжали, газеты ежедневно печатали по 5-10 указов о награждении всяких заводов, особенно химических, за перевыполнение плана, что должно создать триумфальное настроение к моменту выборов депутатов в Верховный Совет СССР.

Советский посол в Бонне Андрей Андреевич Смирнов переведен 19-го мая послом в Анкару вместо переведенного оттуда в Рим Никиты Семеновича Рыжова. Это один из лучших знатоков Германии. Родившись в 1905 году, он с 30-ти лет работает дипломатом. С 1937 года до объявления войны он был атташе, затем третьим и вторым секретарем и, наконец, советником посольства в Берлине. Первые два года войны был послом в Тегеране, затем шесть лет возглавлял третий Европейский Отдел в министерстве, с 1949 года был одновременно членом Коллегии министерства иностр. дел СССР и зам. министра иностранных дел РСФСР, что показывает как смешаны вместе эти два министерства, из которых второе является простой бутафорией. В 1956 году назначен послом в Вену, а через год переведен послом в Бонн, где пробыл почти

девять лет. Неизвестно, кто его на днях сменит в Бонне.

12 и 13 мая в прокуратуре СССР состоялось совещание с участием прокуроров Союзных республик, автономных республик, краев, областей и городов, на котором генерал-прокурор Р. А. Руденко сделал доклад о необходимости усилить борьбу против хулиганства, причем, как мы знаем, под это подводят всякое вооруженное сопротивление органам сов. власти. Говорилось в прениях и о борьбе против хищений государственного имущества, халатности, бесхозяйственности и выпуска недоброкачественной продукции, что все порождается самим советским режимом. Насколько трусливы чекисты и милиционеры, прячущиеся за спину всяких дружинников, показывает нелепая гибель студента Томского Института радиоэлектроники и электронной техники, который в качестве комсомольского активиста входил в “особый комсомольский отряд при Обкоме ВЛКСМ”. Бедный студент Сергей Вицман, которого, казалось бы, первой обязанностью должна была быть изучение своей электроники, был послан из Томска в пригородное село, где скрывался “особо опасный преступник”. Поиск его по селу следовало бы поручить самим чекистам и милиционерам, но это поручили неопытным студентам-комсомольцам, вероятно, не проходившим военной службы. Вицман полез на какой-то чердак искать преступника, который выстрелом в сердце убил наповал Вицмана. Его имя будет присвоено одной из улиц Томска. Спрашивается: не полезнее ли было бы для самого правительства, чтоб он кончил институт и был бы хорошим и в то же время партийным инженером-электроником?

Советская печать превзошла самое себя во вранье при описании Ташкентских повторяющихся землетрясений. Землетрясение 26-го апреля после почти ежедневных слабых толчков повторилось с большой силой 10-го мая. А в “Правде” от 15-го мая помещена длинная корреспонденция одного из мастеров советской лжи писателя Николая Грибачева, который уверяет, что это своеобразное землетрясение, из горизонтального, при котором дома проваливаются в расщелины и трещины, а вертикальное, при котором дома поднимаются и опускаются на прежнее место. Поэтому крыши остаются на месте, но стены дают трещины. Пострадало не свыше ста человек и погибло 8 на миллион населения. Большие дома не страдают, а рушатся старые глиняные постройки, которые, якобы, находились в центре города. Поэтому сносят теперь бульдозерами старые треснувшие дома на улицах Восточной, Железняка, имени Лахути и Братской в районе театра Алишера Навои. Из фабрик трещины дали шейная и обувная фабрики, но героини-швейницы на утро явились, сами разобрали мусор от обвалившихся зданий и продолжают работу в швейных цехах. Разрушено несколько школ, детских приютов, но дети размещены в палаточ-

ных лагерях во всех городских парках, в которых помещено 6 тысяч детей. Из разрушенных детских домов дети переводятся в соседние города Армалык, Ангрэн, Чирчик. Затем начата постройка “города-спутника” в Сергелях на 150 тысяч жителей, которая закончится через год. Уже прибыли 10 поездов со сборными домами, которые разгружаются прямо в поле “на зеленую кукурузу”. Закладка этого “красавца-города” в живописной пойме реки Чирчик состоялась 16-го мая в присутствии первого секретаря ЦК Узбекской компартии и кандидата политбюро ЦК КПСС Шарафа Рашидова.

Но 26-го мая иностранные корреспонденты, которым запрещен въезд в Узбекистан, смогли побеседовать с первыми прибывшими “беженцами” из Ташкента которые сказали, что число жертв очень велико и никто его подсчитать не может. Сильные землетрясения были 26-го апреля, 10-го, 24-го и 25-го мая. После второго землетрясения правительство стало эвакуировать всех детей и закрыло в городе все школы, отправляя детей с преподавателями в другие города. Но служащим и рабочим было запрещено покидать город. Только после третьего землетрясения 24-го мая, при массовом самовольном бегстве миллионного населения Ташкента, разрешено улетать на непрерывно увозящих желяющих самолетах всем, кто может указать, что имеет в любом городе Советского Союза родных, которые берутся их приютить. Поэтому все имеющие родных в Москве прилетели в столицу и сообщили подловившим их по прибытии из аэропортов в город журналистам сведения, которые до сих пор скрывало советское правительство. Так, они уверяют, что все госпитали Ташкента теперь битком набиты больными, у которых землетрясение вызвало сердечные припадки или нервный шок. Они говорят, что наряду с погибшими при обрушившихся зданиях много пожилых людей при возникшей при каждом землетрясении панике выбегали из домов куда глаза глядят и были поражены сильнейшими сердечными припадками: одни тут же погибали, ибо не могли получить при этой хаотической обстановке скорой медицинской помощи, другие же как-то попадали в госпитали, где и посейчас находятся. Туда же попадают найденные потом летучими медико-санитарными отрядами в состоянии нервного шока. Эти госпитали не могут пока быть эвакуированными и большим грозит опасность пострадать при новых вполне возможных землетрясениях, ибо после двухдневных землетрясений 24-го и 25-го мая нервы напряжены и чувство страха и панических предчувствий растет. В самом тяжелом положении оказываются, как всегда в СССР и вообще при коммунистическом режиме, старики: безжалостная компартия и правительство в них не нуждается: надо спасать и вывозить детей, будущих рабов диктатуры, надо эвакуировать при опасности фабрики с ценным оборудованием и квалифицированными кадрами, затем учащуюся и работающую молодежь,

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

Современная Россия

по бумагам Олега Пеньковского

С. Л. Войцеховский

Современная Россия по бумагам Олега Пеньковского

Мы предлагаем вниманию наших читателей расширенный и дополненный текст доклада, прочитанного сотрудником "Нашей Страны" С. Л. Войцеховским в феврале и в начале марта с. г. в нескольких городах, в Соединенных Штатах.

22-го октября 1962 года в Москве произошло необыкновенное событие — по распоряжению Комитета Государственной Безопасности был арестован заместитель начальника отдела внешних сношений Государственного Комитета по координации научно-исследовательских работ полковник Олег Владимирович Пеньковский. Ему было тогда 44 года. Официально, он был офицером запаса, но в действительности состоял на службе Главного Разведывательного Управления вооруженных сил Советского Союза.

Московские газеты не сообщили об этом аресте, но весть о нем сразу разнеслась не только среди сослуживцев арестованного, но и по всей столице, точнее говоря, по всей той части ее населения, которая принадлежит к коммунистическим партийным и к советским государственным верхам.

Арестованный офицер не был известным человеком. По служебному положению по семейным связям, по кругу друзей и знакомых, он принадлежал к этим верхам. Он был женат на дочери скончавшегося в 1952 г. ген. Дмитрия Афанасьевича Гапановича, члена военного совета и начальника политического управления московского воен. округа. Он был родственником командующего войсками бело-русского военного округа, генерала Валентина Антоновича Пеньковского. Он был ехож в дома главного маршала артиллерии Сергея Сергеевича Варенцова и начальника Главного Разведывательного Управления, грозного чекиста Ивана Александровича Серова. Часть его службы прошла за границей, на военно-дипломатической должности. В годы, непосредственно предшествовавшие аресту он получал зарубежные командировки. Словом, он, в любом отношении, принадлежал к тому новому правящему классу, который возник в России за годы советского владычества.

Его исчезновение не могло пройти незамеченным. Правящий класс был потрясен этим арестом тем более, что после смерти Сталина и убийства Берии, безопасность коммунистических вождей и их ближайших сотрудников начала — при Хрущеве — казаться обеспеченной. Сослуживцы и друзья Пеньковского узнали об его аресте сразу, но, по понятным побуждениям, ограничились повторением этого известия в узком кругу своей среды. Население России и внешнего мира впервые услышало имя Пеньковского полгода спустя.

Огласке предшествовало другое событие — 4-го ноября 1962 года в Будапеште пропал без вести приехавший туда по коммерческим делам из Лондона англичанин Гревилль Мейнард Винн. Британское посольство в Венгрии, которое, по своим соображениям, беспокоилось об этом коммерсанте, легко установило, что он арестован и не только арестован, но и увезен в Россию.

Лондонские газеты назвали этот арест нарушением международного права, но разведывательные учреждения Великобритании и Соединенных Штатов не были удивлены. Они несомненно уже знали судьбу, постигшую в Москве Пеньковского, а связь Пеньковского с Винном не была для них тайной.

**

7-го мая 1963 года Винн и Пеньковский предстали перед советским судом. Дело слушалось при закрытых дверях. Состоялось только несколько коротких, открытых заседаний суда. Иностранцы корреспонденты, допущенные в суд, услышали тогда, как Пеньковский признал себя виновным в шпионаже, а Винн — в оказании ему содействия.

11-го мая суд приговорил Пеньковского к расстрелу. Винн отделался сравнительно легким наказанием — восьмью годами лишения свободы.

16-го мая — по словам советской печати — Пеньковский был расстрелян. Накануне, его матери было разрешено свидание с осужденным, но ее просьба о помиловании сына была отклонена.

Винну — сразу после приговора — было дано свидание с женой, приехавшей в Москву из Англии. Затем, по почину советского правительства, начались переговоры об его обмене на советского шпиона, разоблаченного англичанами. Обмен скоро состоялся. Винн благополучно вернулся в Лондон.

Назвав Пеньковского английским и американским агентом суд перечислил в приговоре восьмь служащих британского посольства в Москве, жен двоих из них и пятерых американцев, причастных, по словам суда, к преступлению Пеньковского, но огражденных от ареста дипломатической неприкосновенностью. Суд "довел это до сведения министров иностранных дел для принятия надлежащих мер". Из этих иностранцев, только двое еще находились тогда в Москве. Министерство потребовало их отозвания. Требование было исполнено без возражений.

Обвинитель, генерал-лейтенант юстиции Горный изобразил Пеньковского опустившимся человеком, которого на шпионаж толкнула жажда денег и развлечений. Подсудимый подтвердил эту нелестную характеристику. В показании, данном следователю до суда, 12-го января 1962 года, он сказал:

— Я являлся носителем многих недостатков: был завистлив, себялюбив, тщеславен имел карьеристские тенденции, любил ухаживать за женщинами, имел жнещин, с которыми сожительствовал, ходил по ресторанам, словом любил легкую жизнь. Все эти пороки подточили меня и я сорвался, стал негодным человеком и предателем.

Немногие свидетели, допрошенные судом при открытых дверях, не сказали ни слова о предъявленном Пеньковскому обвинении в шпионаже, ограничились описанием одного из его кутежей. Свидетели Финкельштейн и Рудовский — по мнению

американских газет, советский суд не случайно связал подсудимого с двумя евреями — рассказали, что во время этого кутежа Пеньковский пил шампанское из туфли некоей Гали, но ее фамилия названа не была и она сама в суде не появилась. Не были допрошены судом и две другие женщины, жены советских офицеров, участвовавшие, по словам обвинителя, в московских кутежах Пеньковского. Их фамилии также остались тайной.

Появившиеся в советских газетах отчеты о процессе состояли, главным образом, из пространных описаний московских и зарубежных развлечений Пеньковского, но о шпионаже говорили глухо: "Секретнейшие сведения... Документы большого значения... Советские государственные, экономические, политические и военные тайны... Материалы о советских вооруженных силах в Германии, о мирном договоре с Германией... Списки генералов и офицеров... Материалы, касающиеся новейшего оружия, атомной энергии, ракетной технологии, освоения космоса..." В этих отчетах сквозила неловкость, неумение объяснить, как коммунист, ответственный работник засекреченного учреждения, мог стать предателем и шпионом. Эта неловкость вызывалась, вероятно, тем, что дело Пеньковского — слушаясь оно в обстановке судебной независимости и гласности — разоблачило бы не только несомненную, с советской точки зрения, вину подсудимого, но и его побуждения, а также те нравы и обычаи правящего класса, о которых в Сов. Союзе громко говорить не полагается. Московские газеты так и не сказали прямо, в чем именно состоял шпионаж Пеньковского и что дало ему возможность стать успешным иностранным агентом. Поэтому, кроме предположений и догадок, которые процесс вызвал за границей, в России он породил упорный слух о выдаче иностранцам всех без исключения военных тайн Советского Союза и об участии ответственных руководителей его вооруженных сил в этой выдаче.

**

Русская зарубежная печать первоначально и — как позже оказалось — неверно связала дело Пеньковского с почти одновременным отстранением от должности начальника генерального штаба, маршала Захарова. Затем, не только в эмигрантских, но и в иностранных газетах появились сообщения о близости Пеньковского к человеку, ныне покойному, которого американские журналисты называли тогда вероятным преемником Хрущева во главе Советского Союза — к секретарю центрального комитета коммунистической партии Фролу Романовичу Козлову. Некоторые газеты сообщили даже своим читателям, что Пеньковский был женат на дочери Козлова. Другие утверждали, что он снискал расположение Козлова тем, что привозил ему и его дочери зарубежные подарки.

Многим это предположение показалось тогда абсурдным. Что — говорили тогда не только иностранцы, но и некоторые русские эмигранты — может не доставать такому партийному сановнику, как Козлов? Теперь, после опубликования бумаг Пеньковского, видно, что многие из нас не знали потрясающей нищеты созданной в России коммунизмом, и той притягательной силы, которую в Советском Союзе даже для людей, стоящих у власти,

возможно гарнизон и воинские части с их военным снаряжением, а зачем заблудиться о старых узбеках, которые и на своей родине, а тем более вне своей республики никому не нужны?

Из сопоставления имеющихся официальных и частных сведений видим, что для 15% населения Ташкента, т. е. для 150.000 жителей, строится новый город. Уже пишут, что он будет назван "Дружба", чтоб тем напомнить, как все народы СССР оказали помощь пострадавшей столице Узбекской республики. Затем можно полагать, что при эвакуации всяких школ, детских домов, приютов по соседним городам размещено около 100 тысяч человек, т. е. город уже безусловно покинули 25% его населения. Если теперь начнут разбегаться узбеки по ближайшим колхозам и совхозам, хотя бы хлопководческим и кукурузным где начальство всегда испытывало недостаток в рабочей силе, а потому их принимает и им дает сразу работу, пропитание и убогий кров, то город еще теряет тысячи жителей. Наконец, среди приезжих из других республик усилилась тяга к переезду в любой город, где родные приютят, а затем можно найти и заработок. Все это поведет к резкому уменьшению населения, что будет усиливаться после каждого нового землетрясения. Такова та горькая правда которую советское правительство пытается еще замаскировать 21-го мая опубликованная "благодарность ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и совета министров СССР" от имени советского народа и в первую очередь от имени жителей Ташкента "всем государственным, партийным организациям, государ-

ственным и партийным деятелям и всем гражданам зарубежных стран за искреннее сочувствие в связи со стихийным бедствием-землетрясением в Ташкенте".

Было бы гораздо честнее поведать миру о настоящих размерах этой повторившейся четыре раза за один месяц катастрофы и тогда со всех стран мира потекли бы всякие пожертвования пострадавшему населению, это усилило бы чувство признательности советских людей к иностранным жертвователям и вызвало бы взаимный рост симпатий. Но на это советские олигархи не пойдут, а сами они глубоко равнодушны к страданиям тысяч горемычных узбеков и многих тысяч уроженцев других областей нашей родины, которые там оказались не по своей воле по отбытии всяких концлагерей и ссылок. У меня первая молитва приходит на уста о наших братьях по потаенной православной Церкви, которые могли проживать и молиться в неведомом храме той части старого Ташкента которая, по общим показаниям и сведениям, больше всего пострадала при всех четырех землетрясениях. Вот, где наша молитва об "избавлении от труса" звучала горячо и искренне, возносясь из уст много тяжелегого перенесших, но твердо верующих в небесную помощь благочестивых наших братьев, которых Господь да сохранил.

Образцом советской лжи является очередная поминальная статья "Помощница Ленинской "Искры" ("Звезда" № 3 за март, стр. 169-174), посвященная Александре Михайловне Калмыковой точную биографию которой найдете в "Ис-

тории КПСС", нами изданной, на стр. 11-12. Здесь же она изображается дочерью либерала, родившейся в 1849 году и скрывается, что ее муж был членом столичной судебной палаты при Александре Третьем. Выдумано, что ее пригласили к трем годам ссылки, о чем, якобы сообщал в служебном письме нач. Особого Отдела Департамента Полиции полк. Ратаев начальнику московского охранного отделения Зубатову, причем для большей убедительности дается ссылка на архивный номер этого письма. На самом деле я лично слышал в 1923 году от самой Калмыковой, что она никогда арестована не была и уехала за границу после визита к ней С. Э. Зволянского, как я писал в "Истории КПСС". Верно только, что она вернулась в Россию в 1904 году, но это потому, что в эмиграции она больше без денег и связей мужа Ленину не была нужна и с тех пор отошла от революции не "по болезни", а по разочарованию в Ленине и его окружении. Трудно найти более яркий образчик лжи!

В журнале "Нева" № 3 за март находим любопытную заметку: "Юность комсомольская" Г. С. Рубиной. Это обычная похвальба старухи о своей "героической" молодости в первые годы советского режима, но на стр. 170 она позволяет себе воспевать свою соплеменницу Злату Ионовну Лилину, которая прекрасно воспитывала молодых комсомолок в духе непримиримой ненависти ко всему антисоветскому. Но ведь редакция этого ленинградского журнала во главе с писателем Решетовым не может не знать, что это была

жена Зиновьева, которая в эмиграции жила перед мировой войной с мужем и четой Ленина и Крупской в Кракове, а после революции заведывала в 1918-1926 году Ленинградским Отделом народного образования. Старые ленинградцы помнят, как все оппозиционеры во главе с Зиновьевым приехали в 1927 г. накануне 10-летия Октября и на всех фабриках призывали рабочих к протесту против Сталина. Везде их освистали и прогнали поставленные Кировым во главе партийных комитетов сталинцы с холопствовавшими перед ними карьеристами. Лилину освистали и ей сделалось дурно на табачной фабрике, куда она приехала звать работниц восстать против Сталина, что Демьян Бедный осмеял в эпиграмме:

Опустилась обессилена.

К ней свои: ну что, ну как?

Отвечает грустно Лилина:

Дело, братики, табак!

Она умерла в 1928 году и на ее похронах печально шагали вокруг овдовевшего Зиновьева его впоследствии с ним расстрелянные: Бакаев, Евдокимов, Пинкель. Правда, можно сказать в защиту автора и редакции, что лично Лилина не была осуждена, ибо умерла до ареста и процесса мужа и всей его группы, но это впервые, что в советском журнале восхваляют члена "ленинградской оппозиции" Зиновьева.

В журнале "Юность" за тот же март журналист спортивных журналов Анатолий Юсин поместил с интересными комментариями страницы из воспоминаний убитой мужем конькобежницы Инги Артамоновой, по фамилии мужа Ворониной, об убийстве которой и процессе

имеют иностранные товары. Если не Козлов и его дочь, то другие вершители судьбы нашей несчастной родины действительно прельщались подарками Пеньковского.

Его арест и процесс произвели в Москве потрясающее впечатление, настолько потрясающее, что генералу Горному пришлось опровергнуть возникшие слухи. Он это и сделал в беседе с двумя сотрудниками московских “Известий” 29-го мая 1963 года.

Горный признал, что после суда над Пеньковским у многих советских граждан создается впечатление, что подсудимый “выдал врагу почти все наши тайны, связанные с вооружением и обороноспособностью советского государства”.

Горный решительно восстал против этого мнения и попутно против предположения, что Пеньковский не расстрелян, но тайно помилован и жив, под вымышленным именем. Он назвал выдумкой разговоры о причастности к шпионажу семьи главного маршала артиллерии Митрофана Ивановича Неделина. По официальной советской версии, Неделин командовавший ракетными войсками, погиб в 1961 году в авиационной катастрофе. Как теперь известно, он в действительности был убит с сотнями своих помощников и сотрудников, при неудачном испытании советской баллистической ракеты. Эта ракета не поднялась с установки, но неожиданно взорвалась после того, как Неделин и остальные жертвы этой катастрофы вышли из подземного убежища. Население Советского Союза очевидно сразу же поверило официальной версии об обстоятельствах смерти Неделина. После суда над Пеньковским, оно объяснило смерть маршала его причастностью к шпионажу.

Трудно сказать, был ли Пеньковский близок к Неделину, знал ли он его семью и в какой степени воспользовался этим знакомством для получения секретных сведений о ракетах, ядерном оружии и боеспособности Советского Союза, но в высшей степени показательно, что население России считает измену маршала возможной и что советской власти приходится опровергать такой, казалось бы, фантастический слух.

В беседе с сотрудниками “Известий”, Горный назвал несколько человек, которые пострадали за дружбу с Пеньковским: маршала Варенцова, генерал-майора Позовного полковника Бузинова и сотрудника Государственного комитета по координации научно-исследовательских работ Петровича. Они — по словам Горного — делились с Пеньковским секретной информацией и этим нарушили служебную тайну. Все они — сказал Горный — “подверглись строгим дисциплинарным взысканиям”.

Горный не забыл и участников кутежа Пеньковского, свидетелей Рудевского и Финкельштейна, сказав, что их поведение “было осуждено всеми их товарищами по работе”.

— Не следует — сказал Горный о военнослужащих, наказанных за доверие к Пеньковскому — не следует этих людей представлять, как жертв козловщины Пеньковского. Во многом они виноваты сами, они расплачиваются теперь за свою снисходительность к порокам Пеньковского, за ротозейство за болтливость, за потерю политической бдительности.

мужа тренера Воронина знают читатели “Нашей Страны”. Мемуары озаглавлены “Я учусь ходить” (“Юность” № 3 стр. 105-111). Там помещен ряд ее снимков, некоторые в момент конькобежных триумфов на льду. Оказывается, что перед своим трагическим концом она с помощью этого журналиста обрабатывала литературно свои мемуары, которые хотела выпустить под этим заглавием. Она говорила Анатолию, что карьера конькобежницы коротка, муж ее, которого она решила бросить был уже не спортсменом, а ее тренером на льду. Но ее в будущем не манило стать тоже тренером для смены новых молодых конькобежниц. Она мечтала стать журналисткой по спорту и писать свои впечатления. Выучив немецкий и английский языки, она говорила, что хочет теперь основательно выучить скандинавские языки, чтоб хорошо разбираться в литературе об этом виде зимнего спорта, который процветает в скандинавских странах. Она с большой симпатией говорила о своих знакомствах в этих странах, прибавляла от себя столь далеких от всякого коммунизма легитимных монархий. Это была несомненно талантливая и трудолюбивая, честолюбивая женщина, легко вышедшая замуж для лучшей тренировки за бывшего чемпиона, а теперь опытного тренера, с которым, став знаменитостью, решила расстаться, за что поплатилась мучительной смертью от раба кухонным ножом, нанесенным рукой атлета, теперь, вероятно, тренирующего конькобежцев из заключенных в каком-нибудь северном концлагере.

В трех первых номерах журнала “Знамя” за текущий год напечатан ро-

ман известного писателя Александра Чаковского “Невеста”, в котором показан несдержанный и честный молодой коммунист из беспризорников Харламов который при езде с другом-шофером, взял у него руль, заметив, что он пьян, но не заметил, как наехал на прохожего. Его арестовали и приговорили к концлагерю, ибо против него на очной ставке показал товарищ, которого он выручил, отняв у него руль. Коллектив завода и его бригада дали о нем плохие отзывы, как и директор завода Волобуев, ибо он честно разоблачил в газете приписки и ложные данные о перевыполнении плана. Все от него отворачиваются, но его безутешная невеста, сама дочь снятого с поста первого секретаря Обкома, бездушного бюрократа, везде за него хлопочет. Она добивается того, что меняет показания арестовавший его после катастрофы милиционер, а товарищи по бригаде признают, что дали о нем суду лживую аттестацию, чтоб отомстить за открытые честным юношей их мошеннические приписки. Ей удается заинтересовать в деле добродетельного старичка-пенсионера, который был народным заседателем по делу Харламова и дал народному суду себя убедить в том, что Харламова надо строго наказать, принимая на веру явно пристрастные данные следствия и дурные отзывы с фабрики и от товарищей по бригаде. Она хлопочет везде, несмотря на сопротивление отца и препятствия со стороны следователя, который пристрастно вел следствие в угоду директору завода Волобуеву, обещавшему ему квартиру в новом доме. В третьем из этих номеров все кончается благополучно,

Из названных Горным друзей Пеньковского, особенно пострадал Варенцов. Он лишился не только своего служебного, но и партийного положения. В июне 1962 года пленум центрального комитета коммунистической партии Советского Союза “вывел его из его состава кандидатов в члены ЦК за потерю политической бдительности и недостойные поступки”.

Прямой начальник Пеньковского — Серов — был сначала смещен с должности начальника Главного Разведывательного Управления, а затем — временно или окончательно — исчез с советского Олимпа.

Судьба генерала Пеньковского, которому отец расстрелянного офицера приходился племянником, сложилась более благоприятно. В 1962 году он был не только командующим войсками белоорусского военного округа, но и кандидатом в члены центрального комитета коммунистической партии Советского Союза, а также членом центрального комитета коммунистической партии Белоруссии. Неизвестно сохранил ли он эти партийные звания, но в декабре 1965 года его подпись появилась в “Красной звезде” под некрологом другого генерала. Следовательно, он не пострадал чрезмерно, как это случилось с ним в ежовщину, когда ему пришлось отведать и тюрьмы и лагеря.

Косвенными жертвами московского процесса стали те советские разведывательные офицеры — человек триста, — которые после ареста Пеньковского были тотчас же отозваны в Москву с иностранных постов, прикрытых дипломатическим иммунитетом. Глазное Разведывательное Управление очевидно сочло что Пеньковский мог их разоблачить перед теми иностранными государствами, в которых они занимались шпионажем.

**

Предположение, что арест Пеньковского и суд над ним как-то связаны со сведениям счетов на советских верхах, довольно долго держалось в русской зарубежной прессе. Английская и американская печать не поддерживала этой гипотезы. Вскоре после суда над Пеньковским и Винном, она перестала ими заниматься. Замолчали и советские газеты. Молчание внезапно нарушилось — по обе стороны Железного Занавеса, — когда в Нью Йорке в конце 1965 года была издана на английском языке книга названная: “Бумаги Пеньковского”.

Книга состоит из записей самого Пеньковского и из нескольких документов, приложенных к этим записям. Им предшествуют три предисловия. Они написаны: американским издателем бумаг, Франком Гибнеем; английским журналистом, автором известной книги о Гестапо, Эдуардом Крэнкшоу, и тем Гревиллем Мейнардом Винном, которого московский суд назвал сообщником Пеньковского. Говоря о содержании книги, Гибней написал:

— Это не дневник и даже не автобиография, в обычном смысле слова. Эти бумаги — ряд поспешных заметок, набросков и комментариев, начатых в первые месяцы 1961 года, когда Пеньковский впервые сделал попытку установить связь с западной разведкой. То, что, вероятно можно считать последней записью, относится к 25-му августа 1962 года, когда он уже находился под не-

устанным наблюдением КГБ, то есть за несколько недель до его ареста. Осенью 1962 года, более или менее, одновременно с арестом Пеньковского, бумаги были тайно вывезены в одно восточно-европейское государство. Оттуда они попали в руки Петра Дерябина, который сам — бывший перебежчик из советских органов государственной безопасности. Он продал большую предварительную работу по выборкам и переводу. Подлинность бумаг не подлежит ни малейшему сомнению. Включенная в них обширная персональная документация — семейные фотографии, коммунистические партийные билеты, копии официальных приказов — могла иметь только один источник: самого Пеньковского. Эти бумаги — заметки одинокого человека, сознательно идущего на отчаянную игру, в которой у него почти не было шансов на выигрыш.

Бумаги Пеньковского попали на Запад — по словам их издателя — тем же тайным путем, что и “тридцать приблизительно, других, крупных по своему значению, литературных произведений и воспоминаний последних лет, в том числе — произведения Пастернака, Тарса, Гарсиса и Ахматовой”. Сопоставление этих имен с именем Пеньковского не кажется мне убедительным, если только не видеть в нем сознательного заматания следов. Записи Пеньковского могли быть вывезены из России совсем не так, как рукописи Пастернака или Ахматовой. Гибней, впрочем признал, что не может в данном случае сказать всей правды.

Названный Гибнеем переводчик бумаг с русского на английский язык, Петр Дерябин, был советским майором. В 1954 году он порвал в Вене с коммунистами и — как принято выражаться — “избрал свободу”.

Крэнкшоу в своем предисловии написал:

— Во все то время, в которое Пеньковский снабжал Запад информацией, он ежевечерне вел нечто, вроде записей — не дневник, не ежедневный отчет о своей работе в пользу Запада не справку о сообщенных Западу сведениях, а скорее нечто вроде апологии, рассказа о своей жизни, воспитания, опыте, о своем разочаровании. Этот рассказ был связан с подробным, комментированным описанием функционирования советских разведывательных служб и проникнут непрерывным обличением советской системы вообще, методов и политики Хрущева в частности.

Гибней — соглашаясь с Крэнкшоу — назвал бумаги Пеньковского “сознательным завещанием”. О цели опубликования этого “завещания” он написал:

— Рядовые читатели газет, которые со времени смерти Сталина привыкли думать о Советском Союзе только в связи с “смягчением напряжения” или с “оттепелью”, будут, вероятно, удивлены той картиной шпионажа, репрессий и цинизма, которая раскрывается на страницах этой книги. Увы, рассказ Пеньковского более чем правдив. Захват власти остается единственной основой существования советского режима. Сложный механизм партийной организации, верхних советов, республик, культурных и трудовых групп остается, более или менее, фасадом. За этим фасадом в действительности советским государством правит центральный комитет коммунистической партии. Все, чем Пеньковский был окружен, было обманом или видимостью. Его настоящее занятие не совпадало

он находится на посту. Эти последние страницы романа самые слабые, ибо чувствуется вся искусственность этого неизбежного в советском романе благополучного “счастливого конца”.

Очень благодарен многолетнему читателю “Нашей Страны” о. Викентию Пупису, написавшему мне из Сан Паоло в Бразилии и указавшему мне на ошибку в моей 292-й статье в номере 848 от 3-го мая стр. 2. Автор благодарит меня за добрые в отношении его соотечественников-литовцев слова но верно замечает, что Вильнюс в 1920-40 г. г. был оккупирован поляками и не входил в Литву, а потому не литовцы, а польская оккупация спасла православный Маринский женский монастырь от неизбежного при большевизме закрытия. При этом о. Викентий сообщает печальную новость: после Второй Мировой войны советские безбожники закрыли-таки монастырь, который пощадили и пилсудчики и нацисты, но ликвидировали русские безбожники — холопы крещеного в православии в детстве Сталина. Они отобрали для своих безбожных целей старинное здание монастыря, а монахинь во главе с престарелой матерью Ниной (Баташевой) переселили в отведенную им часть здания мужского Свято-Духова монастыря в том же Вильнюсе. Таким образом, надо ввести вторую поправку в мой заимствованный из “Журнала Московской Патриархии” рассказ: монастырь справил, свой столетний юбилей, как монашеская община во главе с матерью игуменьей Ниной, но не в своем здании монастыря, где впервые собралась монахиня в 1865 году

ибо она попала наконец, к новому добродетельному секретарю Обкома, сменившему ее отца. Этот Брежневский ставленник разбирается в деле и призывает в свой кабинет девушку, ее дурного отца, у которого он отнял пост первого секретаря Обкома (это, само собой, бюрократ хрущевской эпохи) затем кающегося в ложных показаниях пьяного шофера, у которого Харламов отнял руль, кающегося в пристрастном наговоре бригадире и на их глазах разоблачает вызванных им директора фабрики Волобуева и следователя которого уличает во лжи милиционер, снимавший первые показания после катастрофы. Кончается роман тем, что восстановивший справедливость добродетельный секретарь Обкома Комаров пожимает при всех созванных им лица руку Кате и патетически говорит: “Спасибо тебе, невеста!” Роман показывает и жульничество бригад с дутыми рапортами о перевыполнении планов и месть рабочему, раскрывшему их мошенничество, и оговор мстящего разоблачителю директора фабрики и возможность повдирать на следователя обещанием ему квартиры и равнодушие к судьбе неуживчивого, но честного юноши. Трогательная фигура лучшей его и возмущенной этими безобразиями невесты, которая не устает за него хлопотать, несмотря на запрещение отца и недоброжелательство врагов Харламова, которых она по-прежнему обездруживает своими страстными негодующими речами. Но справедливость не смогла бы восторжествовать, если бы в конце не вмешался этот своеобразный идеалист, каким полагается изображать партийного бюрократа, раз

с номинальным. Его действительный начальник не был его номинальным начальником. Его значение и положение в советском обществе не поддавалось формальному определению. Даже обстоятельства его рождения и происхождения не соответствовали тому, что он вынужден был говорить. В полном смысле слова, он задолго до установления разведывательной связи с Западом, должен был лгать двадцать четыре часа в сутки. Вместе с тем, его положение давало ему возможность видеть весь цинизм советской борьбы за власть. Он его видел так, как его могут видеть только немногие и, во всяком случае, не обыкновенные советские граждане.

— Это не значит — написал затем Гибней, — что оттепель и смягчение напряжения в советском обществе — только иллюзия. Не подлежит сомнению, что ревизионистские реформы Хрущева ослабили идеологические пути советского общества и устранили многие идеологические противоречия марксизма. Не подлежит сомнению и даже совершенно очевидно, что за 12 лет, истекших со смерти Сталина контролирующей полицейский аппарат ослабил репрессии и отменил некоторые ограничения. Даже то обстоятельство, что советский режим сделал попытку придать некоторое подобие легальности суду над Пеньковским, свидетельствует о реальности этих перемен... Остается, тем не менее, фактом, что советское общество попрежнему находится под контролем органов государственной безопасности... Остается фактом то, что советское государство и весь мир могут быть втянуты в войну или направлены на путь ведущего к войне столкновения решением нескольких человек, входящих в центральный комитет. Именно эта потрясающая зависимость народа и его самого, как человека, стала кошмаром Пеньковского и побудила его на одинокое восстание... К сожалению, немногие советские граждане достаточно осведомлены для того, чтобы понять мотивы выводов, сделанных Пеньковским. Его бумаги передаются поэтому гласности не для того, чтобы испортить отношения с Советским Союзом или помешать неизбежному соглашению между двумя нациями, неизбежному потому, что обе владеют термоядерным знанием. Эта книга издана не для тех, кто думает, что нужно относиться к другому народу либо с, так называемым, неограниченным пониманием, либо с беспредельной ненавистью. Она написана для тех, кто хочет реально понять, в чем состоит главное препятствие на пути к сближению с русским народом... Оно состоит в продолжающейся зависимости советских граждан от органов государственной безопасности.

**

Итак издатель бумаг Пеньковского не сомневается в их подлинности. Нам — русским эмигрантам — надо, однако, дать на этот вопрос собственный ответ. Он, как мне кажется, совпадает с мнением издателя.

Несомненно, можно легко приписать любому человеку те или иные мнения, побуждения, чувства, влечения и отталкивания, но никто, кроме Пеньковского не мог включить в вывезенные из Москвы на Запад бумаги тех фотографий и документов, которые воспроизведены в книге. Кроме записей Пеньковского, в ней опубликованы: фото-

графии его родителей в молодости; фотографии его жены и дочери; сделанный на даче маршала Варенцова любительский снимок, изображающий этого злополучного маршала, Пеньковского, его мать и жену генерала Позовного; несколько фотографий самого Пеньковского, в парадной форме, с орденами; его удостоверение личности, в котором он назван "старшим офицером резерва главного управления генерального штаба"; его партийный билет; его пропуска в здания министерства обороны, генерального штаба и Главного Разведывательного Управления; группы офицеров окончивших вместе с Пеньковским военно-учебные заведения и многое другое.

Эти документы и фотографии могли быть посланы на Запад либо самим Пеньковским, либо Комитетом Государственной Безопасности, после ареста Пеньковского. Содержание книги исключает, однако, второе предположение. Коммунистам незачем было подкреплять документами достоверность того, что сказано в книге — достоверность направленных против них разоблачений и обвинений. Эти документы подтверждают подлинность записей, раскрывающих картину советского шпионажа в Соединенных Штатах, агрессивного мышления коммунистических стратегов, власти чекистов над "первым в мире социалистическим государством", быта и нравов советских правящих верхов.

Книга содержит подробные сведения об организации и личном составе советской разведки и полиции, с перечислением имен и указанием адресов. Она рассказывает об организации, составе и работе тайных резидентов советской разведки за границей. Пересказать эту часть книги невозможно. Ограничусь одним примером — к записям приложено изданное в Москве, в 1961 году, совершенно секретное наставление, озаглавленное: "Особенности агентурной связи и руководства агентами в США". Оно написано советским разведывательным офицером подполковником И. Е. Приходько, который с 1952 по 1955 год принадлежал к составу советской делегации в Объединенных Нациях.

**

— Никогда еще до сих пор — написал об этом наставлении издатель бумаг, Франк Гибней — оперативные методы современной разведывательной службы не были разоблачены с такой неприятной для нее наглядностью. В то же время, трудно указать другой документ, так очевидно свидетельствующий об ограниченности советской психологии в ее попытках дать объективную оценку другой страны и другой цивилизации... Подполковник Приходько хотел быть объективным... Его труд — это как бы небольшой путеводитель тайного агента... Он говорит о том, что должен и что не должен делать человек, облеченный секретным советским поручением. Так напр., подполковник указывает на то, что советский разведывательный офицер должен знать систему метро в Нью Йорке, так как "эта система довольно сложна и должна быть тщательно изучена до попыток пользоваться ею с оперативными целями". Он обращает внимание на мотели, как на место, весьма удобное для встреч с агентами, благодаря тому что каждая комната имеет отдельный вход. Разведывательный офицер — сказано в наставлении — должен выработать

привычку к частым прогулкам, чтобы отвлечь внимание контрразведывательного наблюдения от своих встреч с агентами. Публичные телефоны — отличное средство связи потому, что "телефон — интегральный элемент американского образа жизни...". Приходько советует офицерам, командированным на тайную работу в Соединенные Штаты, познакомиться с прачешной и с хорошей красильней. "Американцы — отмечает он — всегда одеты чисто, их одежда выглажена, брюки заутюжены, со складкой... В Америке существует привычка ежедневно надевать чистую белую рубашку и чистые носки".

Конечно, труд советского подполковника — прибавлю я к этой выдержке из слов Гибней — не состоит из одних только бытовых советов, хотя их много в его своеобразном учебнике шпионажа. Однако, главное содержание этого учебника — очень точная и подробная инструкция, предусматривающая не только психологию американцев, не только неизвестные в России стороны американского быта, но и любую случайность. Так, например, подполковник Приходько напоминает, что предназначенное советскому агенту сообщение, оставленное разведывательным офицером в, так называемом, тайнике, скажем в дупле одного из деревьев центрального парка в Нью Йорке, может быть уничтожено белкой и не попасть в руки агента.

Несмотря на то, что автор наставления, несколько лет подряд, тщательно изучал "американский образ жизни", некоторые его советы устарели или смешны. Он, например, считает достаточным оставлять в ресторанах на чай только десять процентов с суммы счета. Он советует, идя на свидание с агентом, предварительно выслушать по радио предсказание погоды и — в случае возможности дождя — захватить с собой непромокаемый плащ или зонтик, но почему-то прибавляет, что "американцы галош не носят".

В наставлении перечислены удобные, по мнению Приходько, места свиданий советских разведчиков с их агентами в Нью Йорке как, например, Пеннсилванский вокзал и универсальный магазин Мэйси. Приходько хвалит их за большое число входов и выходов, которые могут помочь советскому офицеру избавиться от наблюдения.

Пеньковский получил этот "учебник" от начальника 3-го отдела ГРУ, полковника Рогова, в связи с намечавшейся, но не состоявшейся командировкой в Америку. Он сфотографировал все страницы аппаратом "Майнокс", полученным от иностранцев с которыми его свел Винн, и приложил снимки к бумагам переданным в верные руки до ареста.

Вероятно, опубликование этого документально доказательство разветвленного советского шпионажа в Соединенных Штатах, предусматривающего к тому же возможность американско-советской войны, объясняет раздражение, проявленное Москвой после появления книги. Московский корреспондент "Вашингтон Пост" Стивен Розенфельд был выслан из Советского Союза только за то, что его газета познакомила читателей с бумагами Пеньковского.

С. Л. Войцеховский

(Продолжение следует)

при Императоре Александре Втором, как, например, мог бы справить юбилей Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле или Лесниинская обитель в Фурке, что не значит что они находятся теперь в Почаеве и Лесне. Значит, большевики не пощадили после войны здания монастыря, а только позволили монахиням переселиться в мужской монастырь, который они пока не трогают. Патриархия лукавым рассказом о столетии Мариинского монастыря ввела меня в заблуждение, как и всех зарубежных читателей, на которых орган Патриархии рассчитан, ибо на самом деле это юбилей монашеской общины, изгнанной из своего монастыря в котором благовернойно служили при ген. Желиговском, Пилсудском и Гитлере, но откуда их изгнал не то Сталин, не то Хрущев.

О. Викентий лучше меня знает, что творится в Вильнюсе, и сообщает еще интересное дополнение к моим сведениям: оказывается, что пребывавший на покое архиепископ Даниил (Юзвюк), о кончине которого в 1965 году упоминаю в моей статье 289-й в номере 841 от 15 марта на стр. 2 после ареста заболел в концлагере глазным заболеванием — возможно, что катаракты закрыли ему глаза. Поэтому он был освобожден и помещен в клинику им. Филатова в Одессе, а после операции переведен в Измаил, где, вероятно, уже мог после глазной операции служить. Но пометуто в 1964 году его перевели в женский монастырь в село Александровку, где он через год почил в возрасте 85 лет. Его захватили советчики в 1944 году при оккупации Чехословакии что доставило ему так много страданий. Еще раз бла-

годарю о. Викентия за ценные поправки и прошу всех внимательных читателей "Нашей Страны" поправлять меня и давать через редакцию дополнительные сведения о том, что делается на родине. Этими данными будем делиться с нашими читателями в очередной статье.

●

Уже заканчивал эту статью, когда из "Известий" от 26-го мая узнал о расстреле в Ростове на Дону 19-летнего юноши Вышемирского. Он с другим парнем и двумя девушками выпили лишнего по случаю первомайского "праздника" и пошли "загорать" на новом донском пляже под Ростовым. Там встретили в отдаленной части пляжа одетого в штатское офицера милиции Евгения Остапенко, который гулял с пятилетней дочерью. Остапенко принялся укорять молодежь за пьянство и советовал идти домой и больше не напиваться. Они ответили дерзостями и завязалась перебранка. Неожиданно Вышемирский выхватил финский нож и ударил Остапенку в сердце и живот. Оставив мертвого с напуганным ребенком, они быстро убежали, но побоялись пойти по домам, где их бы арестовали. Поэтому пошли к знакомым, где плясали и "опохмелялись" всю ночь. Выйдя на другое утро снова пьяными из этого гостеприимного дома они пошли "шататься" по улицам, встретили знакомого парня Михаила Елистратова, который стал их осуживать, на что Вышемирский пырнул и его ножом. Они снова пытались бежать, но на этот раз прохожие помогли милиции их вечером задержать. Суд приговорил Вышемирского к расстрелу и приговор уже приведен в исполнение, его собу-

тыльник и обе собутыльницы приговорены к разным срокам концлагеря.

Многое, как всегда, в этом рассказе неясно: раз Остапенко не был в мундире, то нельзя обвинять пьяного в сознательном убийстве офицера милиции, который мирно гулял с дочерью. Следовательно, нельзя сказать, что это убийство представителя власти при исполнении им служебных обязанностей, а просто убийство пьяным в завязавшейся ссоре случайного неведомого ему советского гражданина. Во втором случае это снова было ранение ножом знакомому, пытавшегося увести пьяного домой. Поэтому смертная казнь, которой не полагается за простое убийство или нанесение ран в драке, дана Вышемирскому, как за террористический акт против милиционера, хотя он не знал, что это не простой прохожий. Опьянение велено в СССР признавать не смягчающим, а отягчающим вину обстоятельством. Поэтому надо пьяному дать более суровый приговор, если он даже неясно сознавал, что делает. Затем непонятно еще другое: пьяные, да еще четвером, не могут бежать быстрее трезвых, а потому непонятно, как их не задержали.

Относительно убийства Остапенко еще можно полагать, что на пляже днем никого поблизости не было: поэтому они могли все вместе убежать, когда плачущая девочка оказалась рядом с трупом отца. Но если они ссорились с Елистратовым днем, то как они могли пьяные скрыться, раз их арестовали только вечером. Если их арестовали при помощи толпы, значит, их опознали очевидцы ранения Елистратова.

По этому поводу "Известия" требуют новых расстрелов, чтоб отучить молодежь появляться в публичных местах в пьяном виде, да еще с финскими ножиками в кармане. При этом отмечено, что при равноправии, девушек, напивающихся с парнями, следует наказывать столь же строго, если даже они при опьянении менее агрессивны и не хватаются за ножи. Это свидетельство растущего хулиганства и пьянства молодежи обоюдого пола, на что большевики умеют отвечать лишь угрозами расстрела, настолько интересно, что решил о нем написать, не откладывая этого на две недели.

Алексей Ростов

А Н О Н С!

А Н О Н С!

В воскресенье 24-го июля 1966 года,
в помещении Дома Русских Белых (Карлос Кальво 2851)

с о с т о и т с я

КОНЦЕРТ Е. М. САМСОНОВОЙ

В программе русские и иностранные композиторы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. Л. ТОЛСТАЯ

Нам пишут из Нью Йорка: Американский Комитет помощи женщинам наградил за исключительные заслуги в области этой помощи вице-президента Соединенных Штатов Герберта Г. Хомфри, председателницу Толстовского Фонда графиню А. Л. Толстую и генерального секретаря Мирового Совета Церквей д-ра Юджина Кларка Блэка.

Награды были вручены этим лицам в Вашингтоне, во время устроенного названным Комитетом банкета.

"МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА"

Нам пишут из Вашингтона:

Существующее здесь представительство советской "Международной книги", издательская и книготорговая фирма "Виктор Камкин", принадлежащая бывшему председателю русской эмигрантской колонии в Циндао В. П. Камкину, возобновила, после продолжительного перерыва, устраиваемые ею лекции для русской аудитории.

До упомянутого перерыва, лекции происходили в помещении фирмы В. П. Камкина и сопровождалась бесплатным угощением слушателей. Первым лектором был сотрудник парижского "Возрождения", известный ученый-историк, профессор Иельского университета в Соединенных Штатах Н. И. Ульянов. Он же был в прошлом году главным оратором в посвященном Дню Непримиримости русском эмигрантском собрании в Нью Йорке.

После Н. И. Ульянова, лекторами в этих собраниях были профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне Д. Д. Григорьев, лектор русского языка в Рочестерском университете В. Н. Бутков, писатель д-р В. П. Петров и журналист И. Г. Эберштейн.

Возобновленные ныне собрания открылись лекцией проживающего в Квабеке, в Канаде, художника и искусствоведа Е. Е. Климова. Его темой были "русские женщины по изображениям русских художников". Лектор приехал в Вашингтон из Нью Йорка, где он, по приглашению Общества друзей русской культуры прочел лекцию на тему: "Санкт-Петербург — Петроград — Ленинград". Его лекция в Вашингтоне была организована фирмой В. П. Камкина вместе с русским отделом Джорджтаунского университета. От имени этого отдела в собрании председательствовал проф. Д. Д. Григорьев. Допускались только гости В. П. Камкина, по имени приглашения. В объявлениях о лекции, появившихся несколько раз в "Новом Русском Слове", было сказано, что чистый сбор поступит в фонд созданной В. П. Камкиным стипендии для студента Джорджтаунского университета, изучающего русский язык и русскую литературу.

Русская колония в Вашингтоне разделилась, в зависимости от своего отношения к В. П. Камкину и его деятельности, на две резко противоположные группы. В то время, как одна из этих групп, считает любые отношения русских эмигрантов с представительством "Международной книги" недопустимыми, другая эти отношения поддерживает. К числу ближайших сотрудников В. П. Камкина принадлежит, в частности, проф. Г. П. Струве, писатель Б.А. Филиппов (имя которого многократно упоминалось в Москве во время суда над Синявским и Даниэлем) и сотрудница "Нового Русского Слова" Т. Фесенко. В прошлом году Фесенко, служившая в библиотеке Конгресса в Вашингтоне, была внезапно уволена с этой службы и перешла в фирму В. П. Камкина.

Одновременно с возобновлением собраний в Вашингтоне, фирма Камкина объявила, что она заключила соглашение с существующей в Лувене, в Бельгии, типографией А. Россельс и может в отдельных случаях финансировать издание произведений русских зарубеж-авторов, которые будут печататься этой типографией.

Юрий Владимирович Бартошевич

30-го апреля с. г. скончался в Женеве староста Крестовоздвиженского кафедрального собора и отец правящего архиепископа Антония, военный инженер полковник Юрий Владимирович Бартошевич, единственный, насколько я знаю, отец двух епископов нашей Православной Церкви.

В пятом томе труда Высокопреосвященнейшего Архиепископа Никона "Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого" на стр. 128 читатели найдут теплые строки о том, "насколько была предана Мильковскому монастырю семья инженера Ю. Бартошевича". Владыка Никон свидетельствует о том, что "дом Бартошевичей в Белграде был как бы подворьем Мильковского монастыря, где иноки монастыря находили гостеприимный приют, приезжая по делам монастыря в Белград". Оба сына овдовевшего Юрия Владимировича приняли постриг в этом замечательном русском монастыре, основанном в тогда гостеприимной Югославии в 1926 году, почитавшим в нем в сане архимандрита Амвросием. Они получили при постриге имена Леонтия и Антония и оба один за другим, возглавили наш оплот Православия в Европе. Юрий Владимирович, несмотря на преклонный возраст, несравненно обязанности старосты в соборе, где поконится тело епископа Леонтия и откуда в сане архиепископа Владыка Антоний правит всей Западно-Европейской епархией. До революции Юрий Владимирович преподавал в Николаевском Инженерном Училище в Петрограде, а в эмиграции посвятил себя и свою семью служению нашей Православной Церкви Архиерейского Синода за рубежом, отдав ей свои силы и воспитав епископа и архиепископа.

Всякий пользовавшийся гостеприимством Юрия Владимировича то ли в Белграде, то ли в Женеве, помнит, как радушно принимал всех ныне новопредставленный Юрий Владимирович, как он интересно и остроумно рассказывал о прошлом родины, как он с любовью снаряжал своего сына-владыку в его постоянные разъезды по епархии, протирающей от берегов Дуная до Атлантики, Ламанша и Средиземного моря.

Не прошло еще и года, как он со мной беседовал, живо интересуясь всеми волнующими нас вопросами, сидя на скамеечке в небольшом садике при соборе, а теперь, молясь об его упокоении, вспоминаю столь применимые к покойному слова Апостола Павла: "Подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил". Да воздаст Юрию Владимировичу "венец праведный Господь в

ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ РУССКОГО ТЕАТРА

открывает свой СЕДЬМОЙ театральный сезон постановкой веселой комедии Леопольда Фульда

„Оригинальное завещание“

("ДУРАК")

в воскресенье, 12 июня с. г., в 16,30 часов в салоне

CONSEJO DE MUJERES

(ул. Чаркас, 1155)

Режиссер — И. Н. ЛАНСКАЯ

Участвуют:

г-жи Е. Войчешек, Е. Гачинская, М. Павлова, Д. Эннок, г-да: А. Ведов, А. Коваленко, Ф. Колпиков, Р. Ловцов, А. Лыгин, Н. Седлецкий, М. Чурилов.

Предварительные заказы билетов по телефонам: 772-6848 и 797-3089.

Примечание: В ранее напечатанных объявлениях было ошибочно указано, что спектакль состоится 12 июля, днем открытия сезона следует считать 12-е ИЮНЯ.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА В АРГЕНТИНЕ

\$ 25.

Начиная с номера 852-го Редакция газеты "НАША СТРАНА" вынуждена увеличить цену номера до 25 песо.

Составленный в начале года бюджет уже трижды подвергся вторжению новых увеличений расходов статей. Два раза со стороны типографии, зависящей от коллективного договора с рабочими типографии, в свою очередь связанными с профсоюзом, и в третий раз в связи с изменением почтового тарифа.

Внесенная вперёд подписная плата засчитывается по старой цене.

Новая подписная плата в Аргентине: второе полугодие текущего года — июль — декабрь — 650 песо.

Об изменении цены на газету с 1-го июля с. г. в других странах будет объявлено дополнительно.

РЕДАКЦИЯ

ДОКТОР Кира Николаевна КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН принимает по пятницам от 18 до 20 час. по субботам от 16 до 18 час. AMENABAR 4156 CAPITAL Новый телефон 701-8413

день оный..." (Второе послание к Тимофею, гл. 4-я, ст. 7-8).

Редакция "Нашей Страны" выражает глубокое соболезнование стойкому защитнику Православия архиепископу Антонию, постоянному нашему читателю, деятельность которого нами неоднократно освещалась на наших страницах. Храни Вас, Господь, Владыко!

Алексей Ростов

Отрадные часы

Давно и много писали и пишут о театре для детей и о детском театре. Это не одно и то же: театр для детей — это исполняемая взрослыми пьеса, доступная детскому пониманию: для самых маленьких — какая-нибудь сказка или балет (у нас — "Конек-горбунок", "Щелкунчик", "Фея кукол" и др.), для более старших — "Хижина дяди Тома", какая-нибудь историческая пьеса ("Изманл" Бухарина и др.) или из классиков: "Недоросль" Фонвизина, "Снегурочка" Островского и т. д.

Детский театр — это когда участниками спектакля, а иногда и его оформления, являются дети.

"Садко", поставленный 29-го мая с. г. в театре "Касаль де Каталунья" принадлежит ко второй категории.

Да, дети и подростки были участниками этого прекрасного спектакля. Все они с успехом исполнили то, что им было поручено, но главная заслуга принадлежит той группе лиц имена которых перечислены на заглавной странице программы: г.г. Ю. Лукину И. Шмитову, М. Павловой, Е. Мальм, В. Боярско-му, И. Иванову, группе тонкого вкуса декораторов, группе изобретательных "костюмерш" и группе талантливых бу-тафоров.

Только тот, кто сам когда-либо соприкасался с "закулисной" стороной такого спектакля, только тот сможет полностью оценить всю работу и ее качество.

Прямо сказать: спектакль на много перерос рамки любительства, тут уже веяло настоящим серьезным искусством, тонким и благородным вкусом при исполнении декораций, костюмов и бу-тафории. Все театральные эффекты ("дрессированная" рыбка, плавающая всегда в одном направлении, "от точки А до точки Б"), спуск Садка на дно "окиян-морья", декорация волнующегося моря, "Господина" Новгородца, да и Ильмен-озера — всё, всё радовало глаз и вызывало горячую признательность к людям, положившим столько инициативы, труда и столько душевной теплоты для успеха задуманного дела.

Глубокая благодарность всем участникам спектакля за то, что дали присутствующим детям да и старшим тоже (что греха таить!) возможность заглянуть в наше далекое прошлое, хотя и сквозь призму сказки.

Трогательно и забавно было участие зрителей-детей в "голосовании" за Садка или индийского царя, а также при оценке поведения дурного купца.

В высшей степени удачный спектакль!

А. И. К.

Р. С. Необходимо добавить, что этот спектакль был дан в той же постановке, в том же составе исполнителей и в том же зале на испанском языке.

Спектакль прошел четыре раза при неизменном успехе. Темпераментные аргентинские дети принимали чарующую русскую сказку чрезвычайно горячо, можно сказать, с восторгом, не поддающимся описанию.

А. И. К.

Объединение бывших воспитанников 1-й Русско-Сербской гимназии в Белграде устраивает 18-го июня 1966 года Большой Благотворительный Бал В ЗАЛЕ ШВЕЙЦАРСКОГО КЛУБА (Родригес Пенья 254) Начало в 21.30 час. Просьба заранее заказывать столики по телефонам: 792-6159, 76-9471, 42-9534 ввиду ограниченного числа таковых. Входная плата 400 песо. Просьба мужчинам быть в темных костюмах.

ДОМ РУССКИХ БЕЛЫХ (Карлос Кальво 2851) В воскресенье 19-го июня 1966 г. КОНЦЕРТ при любезном участии СОФИИ ФЕДОРОВНЫ ШВЕДОВОЙ и ВАЛЕНТИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ХУНУНЦ В программе: романсы Алябьева, Булахоза, Варламова, Глинки, Чайковского, Титова и др. композиторов. Произведения для рояля: "Весенние шумы" — муз. Синдинга; Вариации фа мажор, поэмы "Дарьяльское устье", фантазия на темы Чайковского, прелюдия "Осень" — музыкальные произведения В. Н. ХУНУНЦ. У рояля маэстро ОСАНА Начало в 17 часов. Входная плата 100 песо. Весь доход пойдет на благоустройство ДРБ.

ТИРАЖ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЕ НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

